

наименования. Аpellятив *lõn* представлен и в *v*-говорах коми-пермяцкого языка, ср. *Võn* — название части деревни Сюзь-Позья в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого округа.

Подобные неудачи не снижают значения словаря в целом. Работа содержит ценный фактический материал, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В топонимах проставлено ударение, в какой-то степени разрешена сложная проблема написания географических названий. Словарь адресован научным работникам, но весьма полезен и коллективам общеобразовательных

школ и других учебных заведений в организации краеведческой работы. Он станет серьезным шагом в изучении как коми, так и топонимии финно-угорских языков вообще.

Словарь был издан сравнительно небольшим тиражом — 3500 экз. Он уже представляет собой библиографическую редкость. Переиздание словаря в исправленном и дополненном виде было бы, помимо всего прочего, хорошим подарком к предстоящему VI Международному конгрессу финно-угроведов в г. Сыктывкаре в 1985 г.

А. С. КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН
(Пермь)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.4.13>

Тийт-Рейн Вийтсо, Основные проблемы фонологической структуры прибалтийско-финских языков и ее истории. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту 1983.

4 апреля 1983 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Т.-Р. Вийтсо «Основные проблемы фонологической структуры прибалтийско-финских языков и ее истории». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук П. Аристэ (Тарту), И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и Г. М. Керт (Петрозаводск).

В работе рассматриваются основные проблемы синхронической фонологии прибалтийско-финских языков и диалектов и выявляются исторические корни фонологических различий прибалтийско-финских диалектов. Автор полагает, что основные проблемы фонологической структуры языка связаны с возможностью альтернативной интерпретации фонетических фактов говорящими. Из шести изученных диалектов два — эстонские, остальные четыре относятся к ливскому, водскому, финскому и вепскому языкам. То, что изучены диалекты не всех прибалтийско-финских языков, объясняется трудоемкостью описания фонологии любого диалекта, а также тем, что все сравнительные описания диалектов должны быть основаны на одинаковой методике. Поэтому, к сожалению, данные об ижор-

ском и карельском языках очень скудны. В общем же выбор изученных диалектов целесообразен.

Автор считает, что объектом фонологии является фонологическая форма выражений, т. е. слов, фраз, предложений звукового языка. С этим можно согласиться, так как фонологическая форма представляет собой, с одной стороны, план говорящего произносить определенное выражение, с другой, подсказывающую схему, позволяющую воспринимать информацию.

Т.-Р. Вийтсо подробно рассматривает ударение, длительность звуков, палатализацию и дифтонги в каждом изучаемом диалекте, так как именно в этих областях различия фонологической структуры наиболее велики. Он устанавливает, что во всех диалектах второстепенное ударение фонологически не совсем предсказуемо и что разные виды ударения используются для различения двух типов сложных слов. Показано также, как из фонологических геминат в ряде диалектов образовались долгие или сильные фонемы, которые противопоставляются коротким или слабым фонемам. Это новое в финно-угриктике положение. Рецензенту представляется, что они в общем верны. Т.-Р. Вийтсо излагает новую теорию о расщеплении праприбалтийско-

финского языка на ливский, угалаский (южноэстонский) и невский диалекты, затем — расщепление последнего на тароский и мааский диалекты. Мааский диалект распался на эстонский и чудский диалекты, тароский — на ладожскую и свирьскую группы диалектов. На основе последней образовались южнокарельские, ливвиковские, людиковские и вепские диалекты, а на основе ладожской — севернокарельские, финские, ижорские и некоторые северноэстонские диалекты (с. 5—6, 315—316).

Целью исследования Т.-Р. Вийтсо было выяснение и изучение основных проблем фонологии отдельных опорных прибалтийско-финских диалектов, а также выявление исторических корней фонологических различий прибалтийско-финских языков. Можно констатировать, что он справился с задачей. Кроме открытий, касающихся фонологической структуры, изучение фонологии позволило ему внести уточнения и в разделы синхронической и диахронической грамматики, имеющие весьма длительную историю исследования, например, в теорию чередования ступеней как ливского, так и всех прибалтийско-финских языков, в теорию возникновения и распространения гласного \bar{o} (= \bar{e}) и т. д. Т.-Р. Вийтсо по-новому объясняет слияние финно-угорских палатализованных согласных в прибалтийско-финских диалектах. Он предлагает новые способы диалектного подразделения эстонского и водского языков, северновепского наречия и всего прибалтийско-финского ареала, которые пытается мотивировать фонетико-фонологически. Следует отметить, что Т.-Р. Вийтсо лично изучал в полевых условиях диалекты тех прибалтийско-финских языков, которые описываются в работе. Он отлично знаком с литературой, затрагивающей те же проблемы. Исследование его хорошо оформлено, снабжено наглядными таблицами в тексте и в приложениях.

Нужно подчеркнуть, что первая глава работы представляет много важного для теоретических основ фонологических и фонологических исследований. Научный кругозор Т.-Р. Вийтсо очень широк. В этой главе он проанализировал все существенные исследования советских и зарубежных авторов по теории фонологии и фонетики и показал, какие законы

приемлемы для его труда, напр., правила реализации, правила изменения, типы изменения и т. д.

Во второй главе Т.-Р. Вийтсо обстоятельно рассматривает фонетику и фонологию северноэстонского наречия (эстонский койне), главным образом, длительность и палатализацию (с. 45—154). Примеры приведены в финно-угорской фонетической транскрипции, но не в традиционной: у него не три, а четыре долготы звуков. Так как традиционная транскрипция не представляет возможности для различия III и IV степеней долготы, автор попытался создать свою, более уточненную транскрипцию, чтобы детальнее передать все возможные оттенки длительностей. Рецензент не мог экспериментально проверить новую схему долгот (см. с. 52), поэтому может только констатировать, что эстонские фонетисты должны серьезно проследить правильность соответствующих положений работы. Т.-Р. Вийтсо не отказался от традиционной транскрипции, но рекомендует пользоваться ею в зависимости от содержания исследования. В общем им правильно транскрибированы примеры эстонского койне. В некоторых случаях, к сожалению, автор исходил из своего личного произношения заимствований, которое не является общеэстонским, напр., *te-maõb-gja* 'демагогия', *pjõlõ-gja* 'биология' и т. д. вместо *te-maõb-gi,a*, *pi,õlõ-gi,a*; в эстонском литературном языке *demagoogia*, *bioloogia* (с. 71, 72).

Вторая глава тоже содержит раздел об ударении, в котором трактуются все условия наличия динамического ударения, а также роль ударений. Рецензент считает, что этот раздел является наиболее научным и самым полным из до сих пор проделанных анализов сущности эстонского динамического и логического ударений. Как известно, динамическое ударение в исконных эстонских словах обычно на первом слоге. В живой речи, в предложении логическое ударение может быть и на других слогах. Автором показано, какие важные функции имеет логическое ударение.

В разделах о фонологизации длительности Т.-Р. Вийтсо обратил особое внимание на функции степеней долготы, которые играют важную роль в фонологической системе эстонского языка. Он поддерживает теорию о существовании

четырёх дистинктивных степеней долготы, но констатирует, что в соотношениях III и IV степеней многое неясно. IV степень долготы, кроме того, может вообще отсутствовать в некоторых диалектах или же нейтрализоваться в пользу III. Т.-Р. Вийтсо приводит различные примеры, где в современном эстонском языке встречается IV степень долготы. На с. 79 он отмечает, что игнорирование ее не наносит большого ущерба историческому изучению прибалтийско-финских языков. Подробно описана фонологизация I, II и III степеней долготы. Прежде чем Т.-Р. Вийтсо решил приступить к анализу фонологизации длительности монофтонгов и дифтонгов эстонского языка, он всесторонне познакомился с фактами и теориями в соответствующей общefonологической литературе. Он правомерно реферировал выводы других авторов и приводит свои положения. Много нового и интересного представляют раздел интерпретации одиночных и геминатных согласных после гласных (с. 88—93), а также раздел о сочетании согласных, особенно о сложной фонологизации смычных и свистящих (с. 93—110).

Сложные соотношения длительности отдельных звуков и слов эстонского языка объясняются в работе как обусловленные свойствами фонетической структуры слога, с одной стороны, и свойствами отдельных фонем, с другой. Фонемы в зависимости от диалекта говорящих бывают либо короткие и длинные, либо слабые и сильные, слоги — короткие и длинные. В длинных ударных слогах противопоставляются тяжелый и легкий акценты. Последний свойствен и коротким ударным слогам. Компонентами фонологических акцентов Т.-Р. Вийтсо считает ударение, длительность и тоны. Фонологизация длительности в работе представляет собой своего рода компромисс между фонологизацией, согласно которой фонемы были трех степеней долготы, и фонологизацией, где фонемы по долготе и по напряженности не противопоставлялись. Много внимания уделено ударению. Представлены модели ударения в соответствии с северноэстонским произношением, впервые выделены маркированные модели и изучено влияние эмфазы на модели ударения. Доказывается, что во всех слогах с второстепенным ударением, за исключением ко-

нечных, противопоставляются все три степени долготы даже вне сферы чередования ступеней. Изучение современной количественной системы и системы ударения сопровождается глубокими экскурсами в историю систем, что в свою очередь ведет к новым открытиям в синхронии. Так, в связи с определением северноэстонских изменений системы ударения открыт новый этап в истории чередования ступеней в таких случаях, как *tahtlik* 'умышленный': ген. *tahtliku*: парт. *tahtlikku*. Автор мотивирует это явление чередованием тяжелого акцента (в паритиве) с отсутствием акцентов. Примеры представлены в точной фонетическо-фонологической транскрипции. Рецензент заметил лишь отдельные случаи, которые, видимо, соответствуют личному произношению автора, а не общэстонскому, напр., *pealkiri* 'надпись': *peäl + kiri* вместо *peäl Giri* (с. 91).

В разделе о фонологизации палатализации правомерно анализируются копирующая, метатическая и контактная палатализации северноэстонского койне и диалектов. Верно трактуются и соотношения типов палатализации. На с. 152—153 автор привел фонологические единицы, т. е. гласные и согласные фонемы и акценты, которые свойственны эстонскому койне. С уверенностью можно сказать, что Т.-Р. Вийтсо представил правдоподобную систему фонологии эстонского языка.

В третьей главе рассматривается сетуский поддиалект южноэстонского наречия, которое сильно отличается от северноэстонского. Различия между наречиями имеют древние корни. Главное внимание обращено на длительность и ударение. Динамическое ударение представляет наибольший интерес, так как может выступать и не на первом слоге (с. 161). Автор прав в том, что это недавнее явление в прибалтийско-финских языках свойственно только некоторым южноэстонским говорам. Прав он и в том, что в области согласных имеются две альтернативные системы фонем, которые в зависимости от говорящего, обе реальны (с. 174).

В четвертой главе исследуется восточный диалект ливского языка (с. 176—225). В фонологии ливского языка особое значение имеют проблемы длительности и тона, на которые обращено

основное внимание автора. Приведены примеры того, как в длинных ударных слогах противопоставляются ровный и прерывистый тоны (последний характеризуется наличием стёда или ларингализации). При фонологизации длительности и тонов правильно показаны все виды чередования слабой и сильной ступеней. Они наглядно представлены на таблицах (с. 184 и сл.). В рамках видов чередования выделяются чередования длинного и короткого вокализма, одиночного и геминатного согласных, сочетаний с длинным и коротким начальным компонентом и чередования слогов со стёдом или без него. Автор правильно решил проблему дифтонгов на основе парадигматического чередования дифтонгов с монофтонгами. Решены, кроме того, очень сложные проблемы короткого и длинного вокализма с акцентами. Наглядно представлена интерпретация одиночных и геминатных согласных, а также вокализма. Интересной и важной нужно считать теорию Т.-Р. Вийтсо о развитии чередования ступеней в ливском языке, которое описано в виде восьми изменений (с. 205). Впервые точно представлены система и происхождение сужающихся дифтонгов и трифтонгов. Подробно описаны также гласные безударного слога. Рецензент может с уверенностью утверждать, что Т.-Р. Вийтсо является финно-угроведом, который впервые правильно описал фонологию ливского языка.

Короткая пятая глава посвящена водскому диалекту Вайпооли (с. 226—236). Автор неоднократно бывал у воды. Рецензент тоже занимался изучением этого диалекта, поэтому может констатировать, что все данные и результаты анализа Т.-Р. Вийтсо правильны. Особенно нужно подчеркнуть тот факт, что в работе показано, как водский языковед Д. Цветков неправильно передавал сильно редуцированные конечные гласные своего родного языка, считая их паразитическими. Так как записи Цветкова часто цитируются в трудах по водскому языку, то исследователи, которые не бывали у воды, приходили к различным неправильным выводам.

В шестой главе (с. 237—247) рассматриваются ударение, фонологизация длительности, аспирация и сущность финского литературного языка в сравнении с койне и диалектами. Т.-Р. Вийтсо пра-

вильно утверждает, что хотя финские диалекты в общем хорошо исследованы, фонология их изучена слабо. Поэтому он мог пользоваться лишь данными некоторых диалектов. Гораздо легче проанализировать финский литературный язык, который фонологически довольно однороден. Смычка (?) выступает в литературном языке крайне редко. Автор правильно считает ее самостоятельной фонемой.

Т.-Р. Вийтсо и сам изучал вепский язык, поэтому в седьмой главе довольно детально (с. 248—273) анализирует одно из его наречий — северное. Много места уделено ударению, которое фонологично. Вепский язык характеризуется групповой гармонией, т. е. за палатализованными согласными в начале слога следует более передний гласный, а за непалатализованными — более задний и т. д. В связи с этим рассмотрены все случаи палатализации и гармонии гласных. Целесообразно исследованы позиции и сущность дифтонгов. Поскольку в северном наречии вепского языка имеются и геминатные согласные, то они описываются. Нужно подчеркнуть, что Т.-Р. Вийтсо признает фонемность аффрикат, так как они реализуют фонологические геминаты.

Автор поставил перед собой задачу в главах 2—7 выяснить и изучить основные проблемы отдельных опорных прибалтийско-финских диалектов, связанные с возможностью альтернативной фонологической интерпретации фонетических фактов. Эту задачу он успешно выполнил. Впервые в финно-угорском языкознании при помощи одинаковой методики изучено несколько различных близкородственных языков и диалектов, определены их основные проблемы и фонологические единицы. В то же время введены существенные коррективы в теорию ударения, длительности, чередования ступеней и т. д.

Восьмая глава (с. 274—313) — самая важная для финно-угристики. Представленные в предыдущих главах данные и полученные результаты послужили основой для выявления главных направлений развития фонологии прибалтийско-финских языков и диалектов, начиная с праприбалтийско-финского языка до современной их стадии. Первый раздел посвящен ударению. Автор пришел к вы-

воду, что постоянная ударность и неударность всегда были или становились фонологическим свойством слов. Интересно его положение, что автоматическое ударение вообще представляет собой прежде всего психическое и лишь потом лингвистическое явление. Правильны вывод автора о том, что роль ударения в прибалтийско-финских диалектах не одинакова. В большинстве диалектов ударение — вполне самостоятельная фонологическая единица, а в ливском и эстонском языках оно теснейшим образом связано с длительностью, тонами и т. д. Рассмотрено также ударение в сложных словах и изменения роли ударения.

В разделе о длительности Т.-Р. Вейтсо предполагает, что в праприбалтийско-финском языке она была дистриктивной только в области вокализма: в первом слоге противопоставлялись короткие и длинные гласные фонемы. По его мнению, противопоставления коротких и длинных согласных фонем возникли позднее и по-разному в отдельных языках и диалектах. Подробно рассматривается, каким образом они могли возникнуть.

В разделе о палатализации приведены все случаи ее происхождения и наличия в различных прибалтийско-финских языках. Автор, кроме того, выдвинул рабочую гипотезу о том, что в некоторых позициях палатализация может быть унаследована из праприбалтийско-финского языка, напр. *l̥* в начале слова.

В этой же главе приведены некоторые критерии образования прибалтийско-финских диалектов. Один из них — *ε*-критерий. Встречаемость фонемы *ε* различается прибалтийско-финские языки на разные диалекты и диалектные союзы.

Новая группировка Т.-Р. Вейтсо во многом удачнее предыдущих, хотя и в ней имеются теоретические положения, которые кажутся сомнительными или недоказанными, если учитывать только один критерий — фонему *ε* (с. 300, табл. 22), напр., теория о существовании единой койваской, или же морской (невско-ливской) группы и т. д. Т.-Р. Вейтсо поддерживает взгляды финно-угроведов, которые отрицают существование фонемы *ε* в праприбалтийско-финском языке (с. 295—300). Было бы весьма желательно дальнейшее, более основательное изучение этой проблемы.

В разделе о чередовании ступеней правильно рассматриваются все возможности проявления этого факта, типичного для прибалтийско-финских языков. Большим достижением исследования Т.-Р. Вейтсо нужно считать то, что он установил типы чередования ступеней и их распространение в прибалтийско-финском ареале. Приведено 18 типов. Можно согласиться с автором, что расположение типов чередования ступеней в общих чертах совпадает с распространением прибалтийско-финских языков и диалектов. Рецензент одобряет мнение автора о том, что чередование ступеней образовалось в праприбалтийско-финском языке и было кардинальным фонологическим изменением. Еще более кардинальные изменения произошли позднее, которые вызваны синкопой, апокопой и т. д.

В рецензируемом труде впервые представлены как синхронная, так и диахронная фонология прибалтийско-финских языков — это новое достижение финно-угристики, весьма важное для всех финно-угроведов.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

Ю. Э. Сюръялайнен, Названия растений в финских говорах Ленинградской области. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1982.

10 января 1983 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по приращению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Ю. Э. Сюръялайнен «Назва-

ния растений в финских говорах Ленинградской области» (научный руководитель — доктор филологических наук З. М. Дубровина). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре, канди-